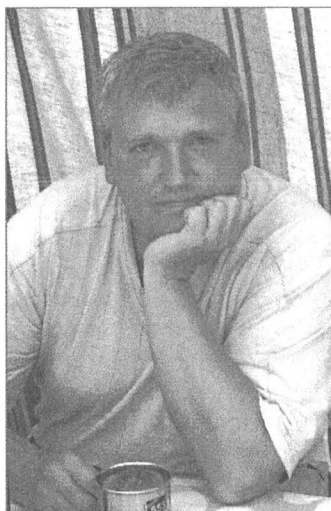

**Алексей
БУРКО**

ТРИ РАССКАЗА

ТОПОЛЯ

*Солдатский взвод идет пыля,
И песня будит городок,
И осыпают тополя, и осыпают тополя
Лебяжьим пухом даль дорог.*

Песня нашей роты

Дерево моего детства? Конечно, тополь!

Высокие, старые, они росли в три ряда в нашем провинциальном дворе. Я, тогда ученик начальной школы, частенько слонялся между ними в ожидании других пацанов. Иногда мы залезали по веткам довольно высоко. Земля внизу была утопанной, плотной...

«Да какой же лук из тополя?!» – возмущался врач скорой помощи. Ехали мы быстро. С мигалкой.

Странно, но после этого случая я стал лучше учиться и получил разряд по шахматам. Опять же, стихи...

Маму позвал Сашка Горностаев (вероятно, потомок дворян, думается мне сейчас), наш сосед с первого этажа. Идеальный вдохновитель этой луковой затеи. Ветка не ломалась – Сашка предложил покрепче уцепиться за верхнюю, а на нижней попрыгать. Сломались обе. И по пути еще три. Очнулся на земле. Конечно, надо иметь свою башку на плечах. С тех пор ее украшает серьезный шрам: приземлялся я вниз головой. Когда зашивали, побрили наголо. Сло-

мал еще левую руку и несколько пальцев, там, по мелочи...

Она была беременна третьим. На восьмом месяце. «Лешка улыбался и меня успокаивал. Поэтому у меня выкидыш и не случился. Потому что улыбался». Отец с работы прибежал позже.

Мне определили сотрясение мозга. Поместили во взрослую травматологию. «Ну ты, Лёх, и матерщинник!» – восхищались мои соседи, два заводских парня. Я общался с ними на равных, только что не курил. Весь месяц, благо был август, обедался арбузами. Угощал всех, конечно.

Потом мы еще переезжали. Ехали в междугородном автобусе: мама с пузом, я бритый, со шрамом и перевязанной рукой. Тащили скарб, влопыхах забытый грузчиками. В том же виде через пару дней заявился я в новый класс. Мой «звездный час»...

С братишкой у нас все равно ничего не получилось. Медсестра уронила в роддоме. Написали «родовая травма». Прожил четыре дня. Мама пришла домой, и мы обматывали ее грудную клетку простыней. Чтобы сделать потуже, ей пришлось лечь на пол, а я, мелкий, давил на спину коленкой. Останавливали лактацию, или как там это называется.

Прошли годы, мама тяжело заболела. Уходила она трудно, долго. Я был в институте на лек-

Бурко Алексей Вячеславович родился 17 мая 1967 года в городе Шверин (ГДР) в семье офицера советской армии. Окончил Новосибирский аграрный университет. Работает экономистом. Занимался в литературной студии «Притомье». Публикуемые рассказы – литературный дебют автора.

Живет в Кемерове.

ции, в дверь постучал старший брат. Когда хорошо обошлось почти без слез. Даже перешучивались. Стоял прохладный прозрачный октябрь. Приехали с кладбища, стали поминать. Я вышел на балкон за водкой, босиком. «Куда ты без тапочек!» – обязательно сказала бы мама. Но ее не было. Вот тут я заплакал.

СУРКИ ГОЛАРКТИКИ*

Беляков Саша рос спокойным, задумчивым, наблюдательным мальчиком. Неплохо учился в школе, особенно любил биологию. Часами бродил по аллеям и зарослям расположенного рядом парка, а поездка с родителями в загородный лес становилась для него настоящим праздником. Свои наблюдения Саша аккуратно заносил в тетрадочку. «21 июня. Наблюдал за бабочками. Какая у них удивительная мимикрия. Неужели эта способность только для птиц и других врагов? Такое чувство, что природа старалась удивить человека».

По окончании школы Саша без труда поступил на биологический факультет в университет, затем – в аспирантуру. Работал в институте. Женился. Начал писать исследовательские статьи, вызвавшие многочисленные, в основном положительные, отклики. В общем, Александр занимался любимым делом и, хоть был небогат, жил в своем увлекательном мире вполне счастливо. Понемногу делал научную карьеру.

В этот-то момент про Александра и вспомнила Родина. Его, в возрасте двадцати шести лет, призвала Родина в ряды своей армии. Родина сказала, что, поскольку аспирантуру Александр Иванович закончил, а кандидатом наук не стал (Александр Иванович не смог как следует поладить с руководителем), то в соответствии с законом о всеобщей воинской обязанности, статья такая-то, ему положено некоторое время ей послужить. Имена людей, которые принимают решения – они носят погоны с большими звездами, простому солдату знать на полагается. Любой их приказ для него – приказ Родины. Родина велела рядовому Белякову пройти учебный курс бойца-связиста, сесть в транспортный самолет и отправиться к месту дислокации назначенной части в район города Герат. Каким-то странным образом Родина не учла, что считавшийся безопасным отдаленный пункт, куда была направле-

на небольшая колонна ее войск с молодым пополнением, несколько дней назад заняты моджахедами. Вероятно, это известие не было должным образом изучено. В момент разгрузки колонна была в упор расстреляна спрятавшимся в засаде неприятелем. Нет, Родина не приказывала своим солдатам нелепо погибнуть, она просто не оставила новобранцам иного выхода. Кому-то надо жить, любить, есть мороженое, любоваться фонтанами, играть в футбол, воспитывать детей, двигать вперед науку, а кому-то следует немедленно и навсегда умереть. Такой вот получился расклад.

***

Проходя поздним вечером вахту общежития и не увидев милиционера на привычном месте, я заглянул в окошко. В глубине подсобного помещения велась оживленная глухая возня. Я миновал вертушку и увидел распахнутую дверь. На столике в центре освещенной тусклым светом засиженной лампочки каптерки стояла почти пустая поллитровая бутылка водки и незначительная закуска: соленые огурцы, хлеб, сало. Один из граненых стаканов валялся на деревянном полу – не разбился. Двое ментов-дежурных, стоя посреди комнаты, держали под руки согнутого пополам – видимо, получил под ребра, но уже отдышался – упирающегося человека. Человека этого я знал. Несмотря на разницу в возрасте – он был лет на десять старше, – мы частенько общались. Происходящее меня не удивило.

– Давайте я его до комнаты доведу, – сказал я людям в форме.

– Смотри, он агрессивный.

– Ничего.

Скандала никому не хотелось, и дебошира с видимым облегчением дежурные передали в мои руки.

– Да что они понимают, сволочи? Что они понимают... – повторял он сквозь пьяные слезы, пока мы поднимались на третий этаж и шли по коридору.

Я взял у него ключи, отпер дверь. Супруги дома не было – наверное, в очередной раз ушла к маме. Жена эта была у него второй, жили они не зарегистрировавшись. Росла у них маленькая, лет четырех, дочка. Превратности личной жизни, если вы живете в общаге, быстро становятся достоянием общественности...

– Вот уроды! Жизнь они тоже рискуют... Вот уроды...

* Голарктика – приполярные области Северного полушария.

– Ага. Спи.

Постепенно он, слава богу, успокоился. Я привалил его на койку, положил ключи на видное место и, захлопнув дверь, вышел.

Так получилось, что первые несколько лет своей трудовой биографии, вскоре после окончания вуза, я проработал в родном институте. Профессия преподавателя мне не слишком нравилась, платили, конечно, гроши, но зато нашей молодой семье из трех человек была выделена отдельная со всеми удобствами комната. Помыкавшись несколько лет по съемным квартирам (каждый день ожидаешь с дурными вестями – мол, пора съезжать – хозяина), собственному законному жилью мы тогда несказанно радовались.

Александр Беляков был одним из моих коллег. Высокий, сутулый, в очках, часто говорящий непонятными словами, он был специалистом в области зоологии.

В нашем сельхозинституте из животных рассматриваются в основном коровы, свиньи, овцы и козы, и по долгу службы именно это Беляков и преподавал. «Желудок крупно-рогатого скота состоит из четырех разделов: рубец, сычуг, сетка и книжка; период супоросности свиноматки длится три месяца три недели и три дня; все корма подразделяются по видам на концентрированные, грубые и сочные...»

Однако подлинной Шуриной научной страстью были сурки. О них он, если не прерывать, мог рассказывать бесконечно. Однажды, во время полевых наблюдений, Александр сделал важнейшее открытие: оказывается, самка сурка может кормить детеныша не четырьмя, как раньше считалось, а всеми шестью сосками. Вообще, животные эти, понимаешь ли, очень непростые, они, как лакмусовая бумажка, являются индикатором состояния биосферы. Маршруты миграции сурков нужно тщательно изучать, они могут дать очень интересную информацию по целому ряду проблем – очень важных проблем Земли... Ну, и дальше в таком духе. Беляков регулярно получал приглашения на симпозиумы и конференции от научных сообществ сурковедов, вообще биологов, и, если слет проходил в России и принимающая сторона оплачивала дорогу, в них участвовал. Название одной из конференций, проведенной, кажется, в Чебоксарах, мне запомнилось: «Сурки Голарктики как фактор

биоразнообразия». Mr. Belyakoff делал доклады на русском и немецком языках. Признаться, я поначалу отнесся к его «рассказням» весьма скептически, пока он не показал мне кипу этих приглашений и материалы, в том числе фотографии, прошедших форумов. Александра окружали маститые ученые, профессора и лауреаты. Видимо, в его работах содержалось нечто особенно ценное, раз его, даже не кандидата наук, всюду приглашали. Материала Шура накопил, как поведал мне его завкафедрой, «на три докторских», но только вот неорганизован очень, никак не может защититься.

– А я Джеральда Даррелла люблю, – сказал я как-то для поддержания разговора. – Интересно пишет про животных. Читал?

– Какой читал – я с ним пил! – воскликнул Шура. – Литр водки выпивает и ни в одном глазу...

Сам-то Шура «пивцом» был некрепким. Каждый раз при встрече с ним я предлагал ограничиться чаем, мы начинали правильно – с чая, однако через полчаса на столе появлялась бутылка, и Александр заявлял, что если я откажусь, то он выпьет все один. Вскоре после этого нормальное общение прекращалось: от трех-четырёх стопок у парня напрочь «сносило башню». Он становился беспокойным, начинал говорить междометиями, настойчиво требовал какого-то «прикрытия», иногда порывался спрятаться за кресло или кровать. Однажды, когда мы сидели в нашей комнате, я имел неосторожность поставить ему песни Розенбаума. Реакция меня ошеломила: Шура плакал, сквозь всхлипы подпевал, с кулаками не давал мне выключить музыку.

К сожалению, выпивал он частенько. В личной жизни у Шуры, насколько я могу судить, тоже хватало бардака. С первой женой он не развелся, имел от первого брака опять же дочь, да еще находился в базе данных по алиментщикам, что делало его невыездным, хотя, и в этом я склонен ему верить, регулярно высылал бывшей жене деньги. Всякий раз я советовал ему навести наконец во всех этих делах порядок. Всякий раз он обещал, что займется этим с завтрашнего дня. Сам искренне в это верил.

Спустя несколько месяцев наши пути разошлись – мы с семьей переехали в другой город. Даже не знаю, как он сейчас. Хочется думать – уже профессор. Он вполне этого достоин.

* * *

Александр не погиб – с многочисленными ранениями в числе немногих выжил. Несколько месяцев пролежал в госпитале, был вчистую комиссован и отправлен домой. Доживать оставшуюся жизнь...

КОМАР

На операцию Никитиныча отвели в десять часов утра в среду.

Вообще-то имя его было Александр Никодимович, но с чьей-то легкой руки к нему прилипло именно это прозвище. Дело в том, что почти все время Никитиныч проводил на лестничной площадке запасного выхода и непрерывно курил. Несколько дней назад он сорвался с крыши частного дома, которую подрядился ремонтировать, и у него «внутрих что-то порвалось». Боль в области желудка он и глушил с помощью сигарок из своего чудовищного самосада. Отведав его самокрутки, я полдня не мог отделаться от тошноты и головокружения. Я и без этого был еще довольно слаб.

Мы лежали в палате отделения абдоминальной хирургии. Мне вправили паховую грыжу, Никитинычу операция еще только предстояла. Его постоянно ощупывали врачи – все время разные, говорили непонятные слова и уходили. Приводили даже студентов.

Ростом Никитиныч едва ли достигал метра пятидесяти. В армию, по его словам, он в свое время не попал именно по причине низкорослости, хотя он очень хотел быть танкистом. Лет ему было от сорока пяти до шестидесяти, но не больше, так как про пенсию Никитиныч не упоминал. Точнее возраст не определялся – «маленькая собачка до старости щенков», а спросить напрямую не было повода. Все больные, и старые и молодые, звали его на «ты».

Сам Никитиныч утверждал, что вся родня у него нормальная, а он такой мелкий, потому что «поскребыш». Курил он лет с двенадцати, что не мешало ему, однако, серьезно заниматься боксом. Никитиныч охотно делился воспоминаниями о своих поединках.

– Саш, ты, наверно, в весе мухи выступал? – спросил я как-то.

– Нет, – отвечал он серьезно, сворачивая в трубочку клочок газеты, – в комАре.

Кроме курева Никитиныч любил очень крепкий чай, который заваривал в поллитровой бан-

ке при помощи кипятивника из двух бритвенных лезвий. Он был словоохотлив и весьма подробно рассказывал истории из своей неказистой жизни. Постоянной работы Никитиныч не имел, жены и детей тоже. Пьяницей он, судя по всему, не был, да и много ли мог выпить со своим комариным весом? Азартными играми Никитиныч не увлекался, сексуальными подвигами, чем зачастую грешат «собратья» Наполеона, не хвалился. Были, впрочем, и некоторые недомолвки. Внимательный наблюдатель, попытавшийся сложить полную картину жизни только на основании рассказов самого Никитиныча, неизбежно потерпел бы неудачу. Ощущались серьезные нестыковки, оставались довольно объемные «белые пятна».

По вечерам Никитиныч рассказывал кошмарные истории из жизни своей сестры, ее неудачного замужества. Следствием этой напасти стало то, что сам Никитиныч на старости лет остался без крова и вынужден был теперь скитаться по углам. Злобного своего зятя он называл не иначе как «демон». Общался Никитиныч главным образом с третьим нашим соседом Вадимом Викторовичем. После отбоя оба долго не спали.

– Этот демон приводит какую-то девку, занимает мою комнату, да еще на меня залупается. А прописки-то у меня там нет! – раздавался шепот в темноте.

Всю ночь после этого мне снилась нечистая сила.

Запас табака Никитиныч имел серьезный, но всякий раз «стрелял» у кого-нибудь огонька. Я подарил ему два коробка спичек, на следующий день они бесследно исчезли. Когда Никитиныч очередной раз попросил «серянки» у Вадима Викторовича, пронизательный сосед слегка прищурился и спросил:

– А ты ведь, наверно, землячок, у хозяина был?

Никитиныч не смутился и отпираться не стал:

– Да. Два раза ходил.

Но ничего про свои два срока рассказывать нам не стал.

Навестить его так никто и не пришел. На операцию Никитиныча отвели в десять часов утра в среду. В пятницу после завтрака, когда я готовился к выписке, пришла медсестра, собрала и унесла его одежду. Спросила, не знаем ли мы, как связаться с родственниками. Мы не знали.